

Почуеніе на 6 января.

(Объ истинномъ просвѣщеніи).

Нынѣ мы торжественно празднуемъ память Крещенія Господа нашего Иисуса Христа. По церковному этотъ праздникъ именуется днемъ просвѣщенія. Такое названіе усвоено ему потому, что въ этотъ день Господу Богу благоудобно было просвѣтить грѣшный міръ открытіемъ Своей Божественной тайны Тройческаго единства. Во вторыхъ, такъ называется нынѣшній день потому, что въ древности, главнымъ образомъ въ этотъ день увѣровавшіе во Христа были просвѣщаемы св. крещеніемъ.

Нашъ вѣкъ, бр., очень любитъ хвалиться, что онъ самый просвѣщенный вѣкъ.. Но справедливо ли онъ такъ называетъ себя? Принимая во вниманіе тѣ удивительныя открытія и изобрѣтенія, какими ознаменовано послѣднее время, мы можемъ назвать нашъ вѣкъ многогнаннымъ и даже пожалуй ученымъ, но это еще не означаетъ, что онъ самый просвѣщенный, такъ какъ просвѣщеннымъ называется тотъ, кто смотритъ на вещи ясно, правильно; кто не бродитъ точно впотьмахъ около вопросовъ, интересующихъ человѣчество, а имѣетъ о нихъ опредѣленное понятіе; кто въ сужденіяхъ своихъ не колеблется, нынѣ одно выдается за истину, а завтра другое.. А нашъ многоученый вѣкъ, скажите, какой свѣтъ пролилъ и проливаетъ на все вопросы, волнующіе умъ и сердце человѣчества? Если наука составляетъ основу просвѣщенія, то скажите, почему стоящіе во

главѣ науки, слѣдовательно, самые просвѣщенные, до настоящаго времени не рѣшили, напр., такого важнаго и такъ близко всѣхъ касающагося вопроса, какъ указаніе правильнаго направленія въ воспитаніи дѣтей? Сколько горя въ послѣднее время пережито, сколько слезъ пролили и проливаютъ отцы и матери, сколько погибло и гибнетъ молодыхъ жизней отъ ложнаго направленія въ современномъ воспитаніи. Невольно, бр., возникаетъ вопросъ: не сами ли научныя системы воспитанія нашихъ дѣтей и виновны въ ихъ гибели? И если мы кинемъ самый бѣглый, но безпристрастный взглядъ на современное воспитаніе дѣтей, отвѣтъ получается самый неутѣшительный. Въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ матеріалистическихъ понятій, что религія есть собраніе суевѣрій, а нравственность совокупность безсодержательныхъ правилъ и обычаевъ и что истинное совершенство состоитъ только въ знаніи, современные мыслители усиленно, не давая опомниться, гонять нашихъ дѣтей,—юношей и дѣвицъ, къ многознанію, воображая въ будущемъ наше отечество въ блескѣ научнаго образованія и всевозможныхъ усовершенствованій. Подъ вліяніемъ такихъ теорій и домашнее воспитаніе стало не лучше. Нынѣ рѣдкость встрѣтить семью, гдѣ дѣти до поступленія въ школу, вообще блестяще развитыя, рѣшительно не имѣютъ никакого представленія о Богѣ и не знаютъ ни одной молитвы. Зачѣмъ, говорятъ, обременять дѣтскій умъ недоступными ему понятіями? Всему этому усидеть научиться и въ школѣ. Но быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ школа восполнить то, чего не сдѣлала семья? Но что можетъ сдѣлать школа съ двухчасовыми въ недѣлю уроками Закона Божія? Нѣтъ, самое дорогое время въ такомъ случаѣ для религіознаго воспитанія нашихъ дѣтей бываетъ потеряно. Чистая нива ихъ дѣтскаго сердца засоряется плевелами прежде, чѣмъ законоучитель начнетъ сѣять благодѣныя сѣмена Евангелія... При этомъ не слѣдуетъ забывать, что современная школа заботится не о томъ, чтобы сдѣлать нашихъ дѣтей истинными

христіанами; добрыми сынами Церкви; нѣтъ, вся ея забота направляется въ другу сторону. чтобы снабдить нашихъ дѣтей возможно большимъ количествомъ научныхъ знаній. И знанія, дѣйствительно, распространяются, специальности размножаются до безконечности; число специалистовъ, даровитыхъ и бездарныхъ, свѣдущихъ и несвѣдущихъ, увеличивается съ каждымъ днемъ... Но вотъ бѣда: вмѣстѣ съ ними умножается и число людей, у которыхъ видимо не обработано сердце, страсти не сдержаны, своеволие не обуздано; щекотливость самолюбія замѣняетъ чувство чести и человѣческаго достоинства. Ясно, что въ нихъ не воспитаны цѣлыя обширныя стороны человѣческой души; природа даетъ себя знать. Слѣдовательно, истинное просвѣщеніе не въ многознаніи... Понявъ эту односторонность, стали налегать на развитіе чувства красоты, на художественное образованіе, полагая, что полюбивъ прекрасное, человѣкъ и самъ сдѣлается прекраснымъ. Но увы! и эта надежда не оправдывается. Опытъ показалъ, что и любя прекрасное, человѣкъ самъ можетъ быть безобразіе собственныхъ своихъ произведеній...

Въ послѣднее время замѣчается, какъ будто нѣкоторый поворотъ въ пользу религіи, въ пользу Церкви. Но этотъ поворотъ является не слѣдствіемъ серьезнаго отношенія къ вѣковѣчнымъ вопросамъ жизни, нѣтъ, здѣсь кроется другая причина... Стремленіе видѣть повсюду только внѣшнее прекрасное, не зависимо отъ внутренней моральной цѣнности, придало религіозному мышленію части нашего общества характеръ совершенно исключительный, — эстетическій, если можно такъ выразиться... Вѣра красивѣй невѣрія, мистицизмъ болѣе дѣйствуетъ на воображеніе, чѣмъ сухой и скучный матеріализмъ: и вотъ мы наблюдаемъ обращеніе къ вѣрѣ не ради исправленія жизни, что только и можетъ оправдывать вѣру, а ради эстетическаго и для многихъ туманнаго блеска различныхъ вѣроисповѣдныхъ теорій. Мы говоримъ: различныхъ, потому что этому, такъ

сказать, ново-христіанству предшествовали необуддизмъ, и до сего времени имѣющій значительное количество почитателей. Религія здѣсь не является самою жизнію, а лишь одною изъ декорацій, развлекающихъ и, пожалуй, облегчающихъ жизнь...

Вотъ, бр., въ какомъ видѣ представляется намъ современное направленіе въ просвѣщеніи.. Какъ видите, оно страдаетъ крайностями и односторонностями, оставляетъ безъ вниманія цѣлыя обширныя области человѣческой души, почему естественно и ведетъ къ самымъ скорбнымъ результатамъ. Но о печальныхъ плодахъ современнаго просвѣщенія мы не будемъ говорить, они такъ живы и близко всѣмъ намъ знакомы.. Мы разсмотримъ лучше другой вопросъ: гдѣ же истинное просвѣщеніе, которое бы обнимало всю природу человѣка во всей полнотѣ и нескончаемомъ ея развитіи? Истинное просвѣщеніе во Христвѣ, въ истинной Церкви Его. Мы удивляемся, мы недоумѣваемъ, какъ наука, гордящаяся своими открытіями и изобрѣтеніями во всѣхъ областяхъ знанія, можетъ не знать, что Христосъ и есть именно совершеннѣйшій идеаль, всѣхъ къ себѣ влекущій и всѣхъ удовлетворяющій! Только самообольщеніе и гордость фарисейская могутъ отрицать совершеннѣйшія свойства этого идеала и родство его съ душою человѣка. Укажите въ человѣкѣ самое высшее требованіе природы, которое бы въ Немъ не находило удовлетворенія. Вообразите самое высшее совершенство, котораго бы въ Немъ не было. Христосъ есть сама истина, любовь, правда, чистота, безкорыстіе, самоотверженіе, терпѣніе, мужество; но кто исчислитъ всѣ Его совершенства?.. Развѣ то въ Немъ не по духу нашего вѣка, что въ Немъ нѣтъ страстей, которыми бы мы могли себя оправдывать и Онъ не потворствуетъ имъ? Такимъ образомъ мы утверждаемъ, что только воспитаніе дѣтей по духу Христоваго ученія и будетъ истиннымъ просвѣщеніемъ. Вы сомнѣваетесь? вы думаете, что правила и приемы христіанскаго воспитанія проникнуты буквализмомъ,

не о томъ, чтобы сдѣлать нашихъ дѣтей истинными

мертвою обрядностью, лишены разумныхъ началъ и не даютъ дѣтямъ надлежащаго развитія? Но вы прослѣдите за тѣмъ, какъ Церковь совершаетъ воспитаніе своихъ дѣтей и тогда судите. Здѣсь, въ Церкви, воспитаніе идетъ по всѣмъ законамъ человѣческаго развитія. Сначала черезъ чувства, посредствомъ впечатлѣній. Вотъ мать, предметъ всей любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконой Спасителя; дитя посмотреть то на нее, то на образъ и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того, что это значитъ. Вотъ первый безмолвный урокъ богопознанія! Дитя въ храмѣ: благолѣпіе храма, освѣщеніе, нѣны и безмолвное предстоаніе молящихся, обращенныхъ къ алтарю, священныя дѣйствія, отсутствіе предметовъ домашняго обихода, требованіе вниманія къ чему то высшему, особенному, — это такіе уроки благоговѣнія предъ Богомъ, которыхъ не замѣнитъ никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя! При этихъ урокахъ нельзя замѣтить минуты, съ которой открывается въ дѣтяхъ пониманіе того, что читается и поется въ храмѣ; мы знаемъ только, что любили нашего Спасителя еще задолго до уроковъ Закона Божія, потому что часто слышали повѣствованія о Немъ, много Ему молились, цѣловали Его Евангеліе, плакали при видѣ плащаницы о страданіяхъ Его, радовались всемъ сердцемъ, празднуя свѣтлое воскресенье! Ахъ, эти чудныя, трогательныя минуты, пережитыя нами въ дѣтствѣ, никогда не изгладятся изъ нашей души! Воспоминанія о нихъ и теперь среди житейской суеты и разныхъ невзгодъ доставляютъ намъ отраду и успокоеніе!.

Золоживъ въ душахъ дѣтей и отроковъ чувства благочестія первоначальнымъ воспитаніемъ, Церковь открываетъ молодымъ людямъ въ школѣ всѣ источники знанія, съ тою только разницею отъ современнаго нецерковнаго воспитанія, что всѣ эти источники знанія она открываетъ *непремѣнно подъ охраною вѣры*, приучая ихъ къ употребленію свободы подъ

наблюдениемъ нравственнаго закона. Вотъ правила Церкви для ея питомцевъ: *Все испытывайте, хорошаго держитесь* (1 Тим. 5, 21). *Все мнѣ позволительно, но не все полезно* (1 Кор. 10, 23). Она ставитъ одно основное начало знанія и жизни: все отъ Бога исходитъ и къ Богу возвращается. Посему воспитываемый въ духѣ Христовой вѣры видитъ Бога во всемъ: въ исторіи домостроительства нашего спасенія, въ исторіи міра, въ природѣ, въ опытахъ своей жизни, а главное—всегда чувствуетъ Его въ своемъ сердцѣ; съ Нимъ живетъ и къ Нему отходить по смерти... Не думайте, что это бываетъ вслѣдствіе стѣсненія свободы мысли; нѣтъ, это естественный ходъ церковнаго воспитанія; иначе и быть не можетъ... Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, чтобы сердце, разъ пережившее благодатныя впечатлѣнія, могло спокойно разстаться съ ними? Нѣтъ это немислимо. Когда юный, пылкій умъ начинаетъ волноваться вѣковѣчными вопросами: что, какъ, почему,—сердце, воспитанное подъ впечатлѣніями церковности, болѣзненно сжимается отъ этихъ вопросовъ: ужели все то, чѣмъ такъ сладостно оно трепетало доселѣ, есть ложь? Ужели все то, чѣмъ жили люди столько вѣковъ есть обманъ? Нѣтъ, думаетъ юноша, этого быть не можетъ... Ложь и обманъ не способны давать такихъ впечатлѣній, такой дивной гармоніи красоты и истины, такой теплоты добра и свѣта, какія мнѣ извѣстны уже по дѣтскому опыту! Какъ же быть? Что же мнѣ дѣлать съ этими навязчивыми вопросами? Ужели бѣжать отъ нихъ? Нѣтъ, зачѣмъ бѣжать? Вѣдь истина свѣта не боится; если все то, чему вѣровало мое сердце доселѣ, есть истина, то значитъ все, что противно этой истинѣ, есть ложь, а ложь сама себя изобличитъ при свѣтѣ истины. Только не мнѣ рѣшать своимъ юнымъ умомъ все эти вѣковѣчные вопросы. Смѣшно было бы думать, будто до меня никого они не смущали, никто ими не занимался, не рѣшалъ ихъ.. И вотъ вмѣсто того, чтобы читать разныхъ льстивыхъ глашатаевъ, проповѣдниковъ новыхъ, модныхъ ученій, православно настроенный юноша будетъ искать

отвѣта на тревожащіе вопросы въ Церкви, у апологетовъ истины... Съ самыми отрицательными теоріями онъ познакомится при руководствѣ этихъ же апологетовъ. И такимъ образомъ на первыхъ же порахъ онъ находитъ прямую дорогу къ истинѣ; а разъ онъ нашель ее, ему не страшны послѣдующія искушенія въ этомъ родѣ. . Вотъ что значить, бр., церковность въ воспитаніи! Она воспитываетъ смиреніе ума у дитяти и указываетъ ему самый прямой и самый вѣрный путь къ истинѣ. Она воспитываетъ сердце въ любви къ Богу и ко всему божественному, истинному, вѣчно прекрасному; развиваетъ въ душѣ тѣ *безсознательныя*, но присущія ей стремленія къ вѣчной истинѣ, къ вѣчной красотѣ и истинному добру... Наша церковность служитъ какъ бы посредникомъ между міромъ духовнымъ и вещественнымъ... Но это только одна сторона христіанскаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ въ своихъ питомцахъ истиннаго знанія св. Церковь заботится и о направленіи ихъ жизнедѣятельности къ нравственному совершенствованію. Для этого она обращаетъ особое вниманіе на совѣсть своихъ питомцевъ и старается воспитать ее такъ, чтобы она была вѣрнымъ и безошибочнымъ показателемъ какъ добродѣтели, такъ и преступленія. Нравственное, какъ и религіозное воспитаніе начинается Церковью въ семьѣ. Ничего не можетъ быть рациональнѣе, какъ замѣчать дитяти съ ранняго возраста его уклоненія отъ предназначеннаго ему совершенства. При мысли о Богѣ, наказующемъ грѣхъ, частое указаніе на возможность грѣха, есть самый вѣрный способъ научить дитя различать грѣхи и бояться грѣховъ. Поэтому мать—истинная христіанка, въ прежнее время, при всякомъ уклоненіи отъ идеала, твердила дѣтямъ: это грѣхъ. А такъ какъ прежде страшились не только нарушенія заповѣдей десятословія, но и воспитательныхъ уставовъ Церкви, то случаи остерегать дѣтей отъ грѣха представлялись весьма часто. Нынѣ многими ничто не почитается за грѣхъ, кромѣ развѣ уголов-

ныхъ преступленій, ведущихъ къ лишенію всё правъ состоянія. Но по ученію Церкви есть грѣхи малые, ведущіе къ великимъ. Дѣтяти говорили, когда оно просило пицци скоромной въ постный день или въ праздникъ до обѣдни: „грѣхъ“. Это значило: учись воздержанію и терпѣнію. Когда оно позволяло себѣ неприличныя движенія на молитвѣ, говорили: „грѣхъ“. Это значило: учись благоговѣнію. Уронило часть просфоры: „грѣхъ“. Это значило: чтн святыню. Упрямится исполнить приказаніе отца или матери: „грѣхъ“; это значило—повинуйся законной власти и т. п. Оттого то прежде и боялись большихъ грѣховъ, что совѣсть была чутка къ малымъ, о что великъ былъ страхъ отвѣтственности передъ Богомъ, что хорошо были знакомы страданія души, выпадающей по несчастію въ тяжкій грѣхъ. Нынѣ все возможно и нѣтъ ничего страшнаго. Отъ тупости нравственнаго чувства происходитъ это безстрашіе и дерзость по отношенію къ порокамъ и страшнымъ преступленіямъ, какія видимъ мы нынѣ.

Для той же цѣли воспитанія совѣсти св. Церковью непрестанно, при Богослуженіяхъ, въ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ преподается ученіе о Богѣ правосудномъ, ненавидящемъ грѣхъ и любящемъ добродѣтель; предлагаются повѣствованія о грѣшникахъ наказанныхъ или помилованныхъ и о праведникахъ блаженствующихъ; возносятся умиленные молитвы о прощеніи нашихъ согрѣшеній и объ избавленіи насъ отъ соблазновъ и искушеній. Сюда направлены всё правила о говѣнн, исповѣди и приобщеніи. Здѣсь дитя вмѣстѣ съ родителями и всёми христіанами постоянно поставляется со своею совѣстью передъ Богомъ. Здѣсь оно научается отличать добро отъ зла. Здѣсь постепенно оно приобрѣтаетъ духовный опытъ въ борьбѣ съ влеченіями испорченной природы и познаетъ, что только въ направленіи къ добродѣтели есть истинная жизнь и счастье души. Чѣмъ все это можно замѣнить въ современныхъ научныхъ системахъ воспитанія?!

И вотъ утвердившіеся съ помощью благодати

Божіей въ добрыхъ правилахъ и навыкахъ питомцы Церкви становятся почти недоступными для преступленія. Видятъ или не видятъ ихъ люди, угрожаетъ или не угрожаетъ имъ наказаніе,—они не совершаютъ преступленія. Для нихъ пріятіе сухая корка хлѣба съ миромъ совѣсти, чѣмъ богатство и наслажденія роскоши, добытыя путемъ преступленія.

Да, бр., только воспитаніе по духу св. вѣры Христовой дѣлаетъ насъ настоящими людьми! Только воспитанники Церкви могутъ быть счастливыми даже при трудностяхъ и лишеніяхъ жизни. Они всегда довольны своимъ состояніемъ; они не смотрятъ съ завистью на довольство другихъ; они не раздѣляютъ даже мысленно между собою чужого богатства. Безпорядки, возмущенія противъ законной власти—это не ихъ дѣло... Если случится съ ними бѣда, они на Господа возложить свою печаль и въ Немъ одномъ найдутъ для себя отраду и утѣшеніе! О, какъ они не похожи на питомцевъ современной науки!

Послѣ всего сказаннаго ясно, что мы обязаны дѣлать, чтобы предохранить нашихъ дѣтей отъ той духовной горбатости, отъ того нравственнаго уродства, которое насъ такъ поражаетъ въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы воспитаніе нашихъ дѣтей, какъ дома, такъ и въ школѣ, совершалось по духу Христовой Церкви. Это церковное воспитаніе, съ одной стороны, предохранитъ нашихъ дѣтей отъ всѣхъ соблазновъ и увлеченій развращающей среды; а съ другой, дастъ полную возможность понять и почувствовать сердцемъ всю красоту истины Христовой въ ея православной формѣ, всю дивную нравственную гармонию, какая намъ видится въ свѣтломъ идеалѣ самодержавія русскихъ царей, всю крѣпость и цѣнность тѣхъ народныхъ началъ, за которыя мы такъ твердо стоимъ..

Свое слабое слово мы обращаемъ не къ либераламъ, а къ православнымъ русскимъ отцамъ и матерямъ, имъ предлагаемъ подумать и вмѣстѣ съ

нами обсудить: правы ли мы, указывая на церковность, какъ основу истиннаго пресвѣщенія нашихъ дѣтей, этихъ будущихъ православныхъ русскихъ людей, которые займутъ наше мѣсто и будутъ продолжать наше дѣло на пользу дорогой и святой Руси! *Аминь.*

Таврическій епархіальный миссіонеръ, священникъ Николай *Бортовскій.*

III.

Изъ дневника Таврическаго епархіальнаго миссіонера.

(Продолженіе).

С. Ново-Михайловка. 8 ноября. Сектанство въ с. Ново-Михайловкѣ появилось около 1896—7 года. Первымъ совратился мѣстный крестьянинъ Александръ Волкъ, проживъ нѣкоторое время среди штундистовъ с. Петро-Павловки. По возвращеніи въ Ново-Михайловку, Волкъ дѣятельно началъ вести пропаганду своего лжеученія среди односельчанъ. Проповѣдь его имѣла успѣхъ и уже въ 1898 году въ штундизмъ совратились крестьяне: Евсей Галивецъ, Владиміръ Кравецъ и жена его Евфимія. Но сектанты не удовольствовались пропагандой въ с. Ново-Михайловкѣ, а завязали дѣятельныя сношенія съ проживавшею въ д. Каикулакъ сектанткой Агриппиной Собѣцкой и стали часто у нея въ домѣ устраивать собранія. Эти собранія посѣщались штундистами Остриковского прихода и Петро-Павловскаго. Среди жителей д. Каикулакъ появилось много, до пятидесяти человекъ, колеблющихся; а въ 1899 году крестьяне дер. Каикулакъ: Владиміръ Кузьменко, Герасимъ Собѣцкій, Наумъ Собѣцкій, Григорій Собѣцкій и Михаилъ Бѣлонъ открыто перешли въ штундизмъ. Къ счастью, внутреннія неурядицы во вновь образовавшейся маленькой общинѣ, поступленіе на военную службу Герасима Собѣцкаго, выселеніе Владиміра Кузьмен-